

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)

Филологический факультет

Утверждено:

Декан филологического факультета

 И.В. Тубалова

«16» сентября 2024 г.

Оценочные материалы по дисциплине

Русский роман рубежа XX – XXI вв. и современный зарубежный роман

по специальности

52.05.04 Литературное творчество

Специализация

Литературный работник

Форма обучения

Очная

Квалификация

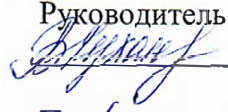
Литературный работник

Год приема

2024

СОГЛАСОВАНО:

Руководитель ОПОП

 В.А. Суханов

Председатель УМК

 Ю.А. Тихомирова

Томск – 2024

1. Компетенции и индикаторы их достижения, проверяемые данными оценочными материалами

Целью освоения дисциплины является формирование следующих компетенций:

ПК – 2 Способен в художественной и литературно-критической деятельности анализировать и оценивать идеологическую и эстетическую составляющие литературного процесса, прогнозировать перспективы его развития.

УК – 5 Способен учитывать разнообразие и мультикультурность общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах при межличностном и межгрупповом взаимодействии.

Результатами освоения дисциплины являются следующие индикаторы достижения компетенций:

ИПК 2.1 Демонстрирует понимание этапов и тенденций развития русской и зарубежной литературы и критики.

ИПК 2.2 Демонстрирует знание ведущих тенденций современного литературного процесса и способность к использованию в своей профессиональной деятельности его особенностей для удовлетворения эстетических и идеологических запросов общества.

ИПК 2.3 Оценивает и учитывает в своей творческой деятельности современные литературные процессы, знает опубликованные в последнее время наиболее значительные произведения словесности и умеет их анализировать

ИУК 5.3 Осуществляет коммуникацию, учитывая разнообразие и мультикультурность общества

2. Оценочные материалы текущего контроля и критерии оценивания.

Элементы текущего контроля:

- рефераты;
- рецензия;
- аналитический обзор;
- конспект литературно-критических работ.

ИПК 2.1

Подготовить конспект

Наталья Иванова В сторону воображаемого non-fiction (Современный роман в поисках жанра) Знамя, номер 1, 2016

ИПК 2.2

Рефераты на темы (на выбор).

Постколониальный поворот в науках о культуре

Фемистический поворот в науках о культуре.

Мемориальный бум (память и постпамять) в современных науках о культуре.

Мультикультурный поворот в современных науках о культуре

Критерии	Зачет	Незачет
<i>Качество отбора материала</i>	Демонстрируют умение отбирать качественный материал для анализа.	Не демонстрирует умение отбирать качественный материал для анализа.

Умение обобщать и систематизировать материал.	Демонстрирует умение обобщать и систематизировать материал.	Не демонстрирует умение обобщать и систематизировать материал.
Стилистическая уместность изложения материала.	Работе присуща стилистическая уместность и целесообразность изложения материала.	Работа стилистически небрежна.

ИПК 2.3., ИУК 5.3 Подготовить рецензию на два романа(русский и зарубежный) с общей тематикой.

Критерии	Зачет	Незачет
Соответствие текста жанровым особенностям рецензии	Текст соответствует жанровым особенностям рецензии	Текст не соответствует жанровым особенностям рецензии.
Обоснованность материала, выбранного для сравнения	Демонстрирует обоснованность материала, выбранного для сравнения	Не демонстрирует обоснованность материала, выбранного для сравнения
Обоснованные критерии для сопоставительного анализа	Демонстрирует обоснованные критерии для сопоставительного анализа	Не демонстрирует обоснованные критерии для сопоставительного анализа
Стилистическая уместность	Работе присуща стилистическая уместность и целесообразность.	Работа стилистически небрежна.

3. Оценочные материалы итогового контроля (промежуточной аттестации) и критерии оценивания.

Промежуточная аттестация по дисциплине складывается из трех составляющих: оценки регулярности посещения аудиторных занятий и успешности выполнения заданий текущего контроля по разделам дисциплины (40%); оценки за аналитическое задание (письменная работа в жанре рецензии) (60%).

Рецензия на произведение одного из современных авторов

Критерии анализа письменной работы:

1. Соответствие текста жанровым особенностям рецензии
2. Показано значение выбранного для анализа явления в контексте современной мировой литературы;
2. При анализе студент опирается на методы филологического анализа (анализ сюжета и повествования, системы персонажей, пространственных образов, интертекстуальных связей).
3. Работа обладает законченной и логичной структурой, опирается на знание художественного текста.

4. Оценочные материалы для проверки остаточных знаний (сформированности компетенций)

ИПК 2.1 Демонстрирует понимание этапов и тенденций развития русской и зарубежной литературы и критики.

Задание: перечислите ключевые жанры современной литературной критики. Какие из них наиболее востребованы в современной литературно-критической ситуации? Почему?

ИПК 2.2 Демонстрирует знание ведущих тенденций современного литературного процесса и способность к использованию в своей профессиональной деятельности его особенностей для удовлетворения эстетических и идеологических запросов общества.

Письменные вопросы: опишите объем понятий – романное сознание, романный герой, романный хронотоп, романная структура.

ИПК 2.3 Оценивает и учитывает в своей творческой деятельности современные литературные процессы, знает опубликованные в последнее время наиболее значительные произведения словесности и умеет их анализировать

Выполните развернутый анализ по основным пунктам задания (название произведения и его автор, связь отрывка с эстетикой автора и проблематикой всего произведения.).

Текст. 1.

Открываю вчерашнюю “Вечерку”, а там про нас с тобой.

Пишут, что в начале снова будет слово. А пока в школах еще по старинке талдычат, что сперва был большой взрыв и все сущее разлетелось.

Причем все, якобы, существовало уже до взрыва — и все еще не сказанные слова, и все видимые и невидимые галактики. Так в песке уже живет будущее стекло, и песчинки — семена вот этого окна, за которым как раз пробежал мальчишка с мячом, засунутым под футболку.

Это был такой сгусток тепла и света.

А размером эта ни окон ни дверей полна горница людей была, сообщают ученые, с футбольный мяч. Или арбуз. А мы в нем были семечками. И вот там все созрело и, напыжившись, поддало изнутри.

Первоарбуз треснул.

Семена разлетелись и дали ростки.

Одно семечко пустило росток и стало нашим деревом, вот тень его ветки елозит по подоконнику.

Другое стало воспоминанием одной девочки, которая хотела быть мальчиком — в детстве ее одели на маскарад Котом в сапогах, и все кругом норовили дернуть за хвост и, в конце концов, оторвали, так и пришлось ходить с хвостом в руке.

Третье семечко проклюнулось много лет назад и стало юношей, который любил, когда я чесала ему спинку, и ненавидел ложь, особенно когда начинали уверять со всех трибун, что смерти нет, что записанные слова — это что-то вроде трамвая, увозящего в бессмертие.

По гороскопу друидов он был морковка.

Перед тем как сжечь дневник и все свои рукописи, он написал последнюю фразу, ужасно смешную: “Дар оставил меня” — я успела прочитать до того, как ты вырвал из моих рук ту тетрадку.

Стояли у костра и поднимали от жара ладони к лицу, глядя на кости пальцев, которые проступали сквозь прозрачную красную плоть. Сверху падали хлопья пепла — теплые сгоревшие страницы.

Да, чуть не забыла, а потом все сущее снова соберется в точку.

Вовка-морковка, где ты сейчас?

И что же это получается? Юлия-дурочка старается, шлет ему письма, а жестокосердный Сен-Пре отделяется короткими шутивными посланиями, иногда в стихах, рифмуя селедок и шведок, амуницию и сублимацию, засранное очко и улыбку Джоконды (кстати, ты понял, чему она улыбается? — я, кажется, поняла), пупок и Бог.

Любимый мой!

Зачем ты это сделал?

Текст 2.

Симонино — карбонарий

Ночь 27 марта 1897 г.

Я прошу великого прощения, капитан Симонини, за то, что посмел вторгнуться в ваш дневник, каковой, не удержавшись, прочитал. Но не своею волей я пробудился сегодня утром в постели вашей. Вы угадываете, что я являюсь (вернее, по меньшей мере почитаю себя) аббатом Далла Пиккола. Проснувшись не в своей кровати, в квартире, которую не знаю, без каких бы то ни было следов моего пастырского одеяния, как равно и парика, я увидел только накладную бороду у кровати. Откуда эта накладная борода? Мне уже случалось несколько дней назад, пробудившись, не понимать, кто я. С той разницей, что это происходило в моем собственном доме, а ныне — в доме не моем. Глаза, похоже, залеплены гноем. И язык щемит, как будто он был прикушен. Выглянув из окна, я увидел тупик Мобер. Рядом с улицей Мэтра Альбера, где я проживаю. Исследовал весь дом. Похоже, это квартира светского лица, употребляющего накладную бороду, а следовательно (извините за огульные выводы), морально ненадежного. Осмотрел кабинет, убранный претенциозно. На задней стене, за портьерой, нашел дверь и попал в потаенный коридор. Он походил на театральную уборную, во множестве там были костюмы и парики, точно как в месте, где несколько дней назад я обнаружил сутану. Тогда-то мне и стало ясно, что коридор, в свое время пройденный мною в другом направлении, ведет прямо в мое жилище. На столе находились записи, по-видимому набросанные лично мной. Вы даже восстановили когда: 22 марта, в день, подобный сегодняшнему. И тогда и сейчас я с утра терял память. Что же может означать, гадал я, последняя из записей — про Отей и Диану? Кто такая Диана? Любопытно. Вам подумалось, будто бы вы и я — одно. Но вы помните гораздо больше подробностей своей прежней жизни, нежели я — моей. И причем, как легко видеть из вашего дневника, вы не знаете обо мне ничего. Я же замечаю, что могу припомнить довольно многое, нет, действительно много из происходившего с вами. Именно те эпизоды, которые вы — странное совпадение — пытаетесь восстановить и не можете. Следует ли из этого, что если я припоминаю столь многое о вас, значит, я — вы? Может быть, нет. Может быть, мы совсем разные существа, которые по какой-то невыясненной причине втянуты в подобие общей жизни. Я, замечу снова, церковное лицо. Может быть, я знаю о вас то, что мне поведано на исповеди? Или я тот, кто занял место доктора Фрейда и вырвал из вашего нутра то, что вы тщились сохранить в неприкосновенности?

Текст 3.

Во время необычного утреннего затишья Вернона Холлидея не раз посетила мысль, что он, возможно, не существует. Тридцать секунд без помех он сидел, тихо шупая голову пальцами, и тревожился. С тех пор как он прибыл в «Джадж» два часа назад, он успел поговорить, по отдельности и напряженно, с сорока людьми. И не просто поговорить: за

исключением двух бесед, он всякий раз принимал решения, ставил первоочередные задачи, поручал, выбирал, высказывал мнение, которое будет воспринято как приказ. Это отправление властных обязанностей не обостряло ощущения собственной личности, как обычно, – наоборот, Вернону казалось, что он растворяется; он просто сумма всех людей, которые его выслушивают, а когда он один, его просто нет. Когда он в одиночестве искал мысль, оказывалось, что думать некому. Кресло его пусто; сам он мелко распылен по всему зданию – от финансового отдела на шестом этаже, где он должен вмешаться и предотвратить увольнение старой литсотрудницы, не владеющей орфографией, до цокольного этажа, где из-за мест на стоянке началась открытая война между ведущими сотрудниками, а заместитель главного редактора готов был подать в отставку. Кресло Вернона было пусто потому, что он находился в Иерусалиме, в палате общин, в Кейптауне и Маниле, рассыпавшись по земному шару, как пыль; он был на ТВ и на радио, на обеде с епископами, произносил речь перед нефтепромышленниками, проводил семинар со специалистами из Европейского союза. В краткие мгновения, когда он оставался один, дневной свет гас. И даже наступившая темнота никого конкретно не обступала, никому не причиняла неудобств. Не было даже уверенности, что отсутствует именно он.

Это ощущение отсутствия все усиливалось после похорон Молли. Въедалось в него. Прошлой ночью он проснулся возле спящей жены и вынужден был потрогать свое лицо, дабы убедиться, что еще существует физически.

Текст 4.

Гроб привезли на кладбище и поставили сперва на табуретки, вдавленные ножками в черную мягкую землю, казавшуюся здесь удивительно живой. Из земли росла зеленая трава, еще прямая и толстенькая, еще сохранявшая острие, каким раздвигала земляную сладкую темноту, еще способная в приливе сил пробиться даже сквозь камень. В очертаниях деревьев между могильных оград, в том, как они наклонялись под ветром, словно пытаясь снять через голову завернувшуюся листву, чудилось что-то человеческое.

Фотограф, готовый сделать последние снимки, разместил по рангу участников похорон, и Катерина Ивановна, главная здесь, стала над самым маминым лицом, которое уже трогала, знакомясь, тень ее березы. В покойной словно и теперь продолжалась ее болезнь: глаза еще запали со вчерашнего, на губах проступило кислое молоко, — и потому Катерине Ивановне не верилось, что мама действительно умерла, что она в таком тяжелом состоянии сделала самое трудное дело, какого человек боится всю сознательную жизнь. Все-таки гроб закрыли, забрали и опустили в яму, пышно окруженную кучами чернозема и яркой глины, в которых низкорослые копальщики, похожие на испитых гномов, оставляли круглые глубокие следы. Уже почти дойдя до конца, гроб сорвался с полотенец и сильно стукнулся о дно. Катерине Ивановне это показалось естественно: она и сама сейчас не смогла бы сесть не ушибившись.

Во все время похорон у нее было странное чувство, будто она чужая происходящему вокруг: такая же принадлежность обряда, как гроб или венки, торжественные, будто гербы потусторонних государств, встречающих покойную. Сначала Катерину Ивановну вели, потом везли, потом опять вели по сырой дорожке, где она спотыкалась о тени ветвей и могильных оград. Слезы давили ей на нос, на глаза — в небо словно поставили обезболивающий укол, от которого на лице образовалась онемелая подушка, но заплакать Катерина Ивановна не могла и, когда кто-нибудь на нее смотрел, только мяла в руке пропотевший платок. Двое суток не видевшая своего отражения в занавешенном зеркале, она ступала и двигала руками словно наугад, словно потеряла свое подтверждение в зазеркальной темноте, и ежилась от чувства собственного отсутствия. Ей казалось, что если она заголосит, это выйдет фальшиво, и лучше передать выражение горя другим, чтобы они попричитали за нее над ровно укрытой, гладко причесанной мамой.

Черное платье на Катерине Ивановне тоже было чужое, слишком теплое, резавшее и мокнувшее под мышками: весеннее солнце будто гладило его горячим утюгом. От платья сквозь нагретую шерсть глухо пахло цветочными духами — Маргарита, что принесла его вчера Катерине Ивановне, ходила в нем в театр. Теперь она, конечно, его не заберет, это платье никогда больше не будет праздничным и останется висеть у Катерины Ивановны в шкафу, постепенно становясь ее вещью и ее настоящим трауром. Точно так же и горе, которое Катерина Ивановна пока не может ощутить, со временем созреет, и тогда ей припомнится свеженасыпанный, еще острый и голый холмик, и холод земли в горсти, полетевшей вниз крепко слипшимся пирожком, и мыльный вкус последнего поцелуя. Она понимала, что сейчас ей нужно проделать все начерно, на потом, — чтобы было на что опереться воспоминаниям.

Текст 5.

Одного парня я отправил в газовую камеру в Хантсвилле. Одного-единственного. Сам арестовал и сам дал показания. Я ездил туда к нему два или три раза. Все-таки три. Последний раз в день казни. Не обязан был но поехал. Очень не хотелось. Он четырнадцатилетнюю девочку убил и могу сейчас точно сказать не было у меня большого желания видеть его пусть бы один шел на казнь но все ж поехал. В газетах написали что это было преступление на почве страсти а мне он сказал что страсть тут ни при чем. Он встречался с ней, совсем еще зеленой. Ему девятнадцать было. Сказал что хотел кого-нибудь убить с тех пор как себя помнит. Сказал что если окажется на свободе сделает то же самое. Что быть ему в аду. Сам сказал никто за язык не тянул. Не знаю что и думать. Просто не знаю. Никогда таких не видал может это какая новая порода. Я смотрел как его привязывают к стулу и закрывают дверь. Вид у него был может немного нервный только и всего. Уверен он понимал что через пятнадцать минут окажется в аду. Ничуть не сомневаюсь. Я много об этом думал. Разговорить его было нетрудно. Звал меня Шерифом. Но я не знал что сказать ему. Что скажешь человеку у которого по его собственному признанию нет души? Да и к чему? Я много об этом думал. Но это было ничто по сравнению с тем что сейчас творится.

Говорят глаза окна души. Не понимаю что было в его глазах и вряд ли когда пойму. Но мир становится другим и глаза тоже, к тому все идет. Не думал что доживу до такого. Где-то там есть настоящий живой пророк разрушения и я не хочу столкнуться с ним. Знаю он действительно существует. Видел дело его рук. Ходил пред теми глазами однажды. И больше не желаю. И не желаю строить из себя героя и связываться с ним. Не потому что просто стар стал. Если бы так. Не скажу что эта работа мне очень уж по душе. Потому что я всегда знал что на ней нужно быть готовым в любой момент умереть. Во все времена так было. Ни славы тебе и ничего такого но ты ее делаешь эту работу. А если не готов, это поймут. И глазом не успеешь моргнуть как увидят. Думаю дело больше в том ради чего стараться. И ради чего ты должен рисковать своей жизнью. А у меня нет такой привычки. И теперь думаю может вообще никогда не появится.

ИУК 5.3 Осуществляет коммуникацию, учитывая разнообразие и мультикультурность общества

Напишите краткую инструкцию для чтения иностранным читателем, которые будут читать роман Е. Водолазкина «Лавр».

Информация о разработчиках:

Баль Вера Юрьевна, Баль Вера Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры истории русской литературы XX-XXI веков и литературного творчества ФилФ НИ ТГУ